

- Вы теперь насовсем?

- Что значит - насовсем?.. Я не знаю. Вещи, видите, перевез. Краски, инструменты, зимние туфли... Все, в общем, что надо человеку для жизни в экспедиции. Культура должна бродить. Надо бродить и ставить. Моя родина - Грузия. Я грузинский писатель, грузинский художник, я пишу по-грузински. Но я хочу быть свободным, как бывают свободными режиссеры во всех странах мира. Как это было всегда.

- Ваш новый спектакль, "Песня о Волге", который уже видели в Бургундии и Петербурге, увидят в Москве?

- Теперь я в Москве живу, в Москве работаю - в Новой опере у Колобова - и я мечтаю "Песню о Волге" Москве показать. Мне это очень важно. Спектакль с такой трудной судьбой я еще никогда не ставил. И чудо, что в этой истории, как в драматургии XVIII века, в критический момент появился положительный герой и сказал: "Нет, вот так пусть будет!" И так стало. Под положительным героем я имею в виду министра культуры России г-на Сидорова, который в конечном счете решил, что этому спектаклю быть.

- Положим, сначала такой спектакль надо было придумать. Скажите, вы сами не удивились, когда вам в голову пришла идея делать кукольный спектакль о войне?

- Нет. Мне показалось это органичным. В драматическом театре, конечно, тоже можно сделать такое. И надо, более того. Но у меня тогда была сцена кукольная, и я решил... Вы понимаете, это как скульптор - ну не было у него под рукой известняка, который легче резать, а был гранит. Ну что ж, пришлось сесть за гранит и стучать посильнее. Я видел отвратительные вещи из мрамора. Я видел прекрасные вещи из глины. Смотря как сделаешь. Это же творчество... Хотя я не люблю этого слова - "творчество". Творец у нас один. В грузинском языке другое слово - "руко-дело". "Руко-делие", так, да? Хорошо. Я очень люблю русский язык и очень жалею, что не владею им в совершенстве, как русские. Но есть у вас некоторые такие странные слова... "Творчество", "веротерпимость" и еще "подбородок". "Веротерпимость" я бы заменил на "веролобовь". Или просто - любовь. Потому что - терплю-терплю, а потом возьму и не потерплю. Это все до времени...

- А "подбородок" чем вас не устраивает?

- Потому что - "у нее краси-

Господин Резо под зонтиком

Габриадзе осторожен. Габриадзе смел. Осторожность его распространяется на жизнь, смелость простирается на творчество. Высказываясь о чем-то или ком-то, он долго ищет слова - пусть только не обижаются, зачем обижаться, люди ранимы, да?.. И бесстрашно ставит спектакль - кукольный - о Сталинградской битве, где действуют муравьи и каски, - почему нет, почему нельзя?.. В творчестве ему все яснее и понятнее, чем в жизни. Недавно он из Питера опять вернулся в Москву.

вый подбородок"... Но у нее же нет бороды, откуда же у нее подбородок?.. Это последнее открытие, правда, принадлежит не мне, а замечательному армянскому писателю Гранту Матевосяну, но я тоже все время немножко удивляюсь, когда говорю, что "у нее красивый подбородок"... Еще есть теперь замечательное русское слово - "крыша". Я только прибыл в Москву два года назад, и меня один знакомый на Белорусском вокзале сразу спросил: "Резо, у тебя тут есть крыша?" Я почувствовал, что, кажется, моя "крыша" уже поехала. Но потом это оказалось горькой правдой. В Москве без "крыши" жить очень неудобно. А где ее найти?..

- Вы разве собирались в Москве бананами торговать?.. Говорят, торговать бананами без "крыши" действительно нельзя.

- Зачем бананами? Я спектакли собирался ставить. Но выяснилось, что спектакли ставить без "крыши" тоже нельзя. Я хожу со своим дырявым зонтиком, вижу слова: "Монпарнасбанк", "Петушкибанк", "Петябанк", мимо проносятся на "Мерседесах" разные "крыши", и если какая-нибудь из них выйдет из своего "Мерседеса" и прикроет собой мой дырявый зонтик, я буду очень рад. Я, кстати, хотел бы, чтобы у них было еще больше "Мерседесов". Тогда воздух станет чище, потому что "Волги" хуже пахнут. И в метро меньше народу станет. И мне удобней в троллейбусе будет ехать... Но что-то я не вижу миллиардеров, которые бы вместо того, чтобы нас пугать своей экстравагантностью (кстати, очень деревенской), взяли и привезли бы в эту страну Питера Брука в полном составе.

- Может быть, они еще не настолько богатые?

- Они? Морозов бы ходил у них в мальчишках, я вас уверяю. Я видел, как они снимают в Лозанне "Рояль-отель", ночь - 2 000 долларов. Нет, они не бедные, но очень скоро будут бедными, если не обратят внимания на культуру. Они должны обратить внима-

ние на культуру - не мы на них. Есть художники талантливейшие, гениальные, совершенно не способные ходить по банкам и попрошайничать. Нельзя допустить, чтобы Женя Колобов, блистательный дирижер (не хочу его определять только как дирижера, это человек, который живет музыкой), бродил по банкам, чтобы бродил по банкам великий Васильев. С Катенькой. Это будет означать, что по банкам в этой стране бродит национальное ее достоинство. Ведь национальное достоинство - это не только Эрмитаж и Ясная Поляна. Это живые люди, просто живые. Это, допустим, Васильев и Максимова. Только первый носит штаны, а вторая юбочку. И поскольку он носит штаны, а она юбочку, какому-нибудь банкиру трудно поверить, что перед ним стоит национальное достоинство России. Но это же один шанс появляется у богатого человека спасти Россию! Они пока как думают? Культура отдельно - я отдельно. Фазан отдельно - сазан отдельно. Это нельзя. Это не отдельно. Они же хотят быть хозяевами жизни и не могут не знать культуру... Ленин, Сталин, как оказалось на нашу беду, не были дураками. Первое, что они крикнули оба: "Кино наиболее для нас важно!" А новая буржуазия упустила этот великий рычаг. А потом начнет плакать в эмиграции.

- Вас как художника не умиляет иногда их манера одеваться?

- Да. Это есть. Безвкусица вообще захватила жизнь. Я был на нескольких приемах, видел там своих коллег - людей искусства, которые почему-то были в смокингах, как на местечковой свадьбе... Хотя этого не надо было по протоколу.

- Ну а если по протоколу положено смокинг, а вы все равно приходите в свитере?

- Протокол, конечно, надо исполнять. Хотя, я думаю, Пикассо мог бы и в трусах прийти.

- У вас есть смокинг?

- У меня его нету. Я бы сказал так: основная моя ошибка по прибытии в Москву заключалась

в том, что у меня не было смокинга. И еще мне не надо было ничего пытаться ставить. Успехи мои были бы гораздо значительней. Но я по наивности решил поставить спектакль... Брук определяет два театра - мертвый театр и живой театр. Но я, учитывая наши современные проблемы, пошел дальше и добавил бы еще одну категорию - театр-музей. Когда я попадаю в такие театры, я понимаю: я - не музейный работник. Я ничего не могу сделать с экспонатами. Я могу их ценить, восторгаться, но работать у меня с ними не получается. По неопытности, может быть...

- Говорят, театры гибнут...

- Я вам скажу, отчего театры гибнут. И не только театры гибнут. Художники гибнут, писатели гибнут, музыканты гибнут, потому что любая среда такая - театральная, художественная, поэтическая - создает свою систему мер. Там килограмм не значит уже килограмм, сантиметр - не сантиметр, километр - не километр... То, что хранится в Палате мер и весов, в этой среде объявляется недействительным. Там действуют свои законы, объявляются свои гении, свои великаны есть... по три сантиметра ростом. Что с того - они же объявили сантиметр величиной! Но стоит им покинуть границы своего замкнутого пространства, попасть вдруг в большой мир, и становится ясно, что король-то... опять голый. Вот отчего гибнет искусство. Потому что нельзя нарушать общемировые ценности.

- Вы лично страдаете от этого?

- Да. Особенно в театре. Ведь публика это сразу чувствует и уходит. А театр - место публич-

ное... Если вы что-то делаете в театре, то главная цель - не уничтожить публику, не унижая самого себя. И остаться в пространстве искусства... В Москве это Табакову прекрасно удается. Я вижу в нем великого актера. И еще - можете так и записать - он настоящий московский господин. Настоящий. Их так мало в Москве, этих господинов... Вот Боря Мессерер - он тоже настоящий московский господин.

- А, скажем, ваш друг Андрей Битов?

- Андрей - петербургский господин, которого, учитывая его прекрасный английский, так и хочется назвать джентльменом. Мы с ним сейчас работаем над 30 томами книжек о Пушкине. Некоторые уже изданы, но тираж - по 99 штук, поэтому вы их не знаете. "Пушкин в Грузии" издана уже. Будет еще "Пушкин в Нью-Йорке", "Пушкин в Париже", "Пушкин в Шанхае"... Это, конечно, мифотворчество. Но мифотворчество, основанное на самой большой правде. Мы так стараемся... Кстати, готов памятник тому самому зайцу. Андрей уже 30 лет - с тех пор, как мы с ним учились на сценарных курсах, - мечтает поставить памятник зайцу на том самом месте, где этот заяц перебежал дорогу Пушкину, когда тот спешил на Сенатскую площадь. И сделать надпись: "От благодарной России". Это произошло где-то в Михайловском. И памятник будет стоять в Михайловском.

- На высоком постаменте?

- Нет, прямо в траве. Еще - кроме Пушкина - я отдельно работаю над Гете и над Галактионом Табидзе. Эти работы - около пяти тысяч листов - меня сопровождают повсюду во всех моих странствиях. Там нужны только бумага, тушь и испытанное уже перо, у которого кончик заржавел... Я однажды заметил, что в любой стране есть вечер. Везде тоже заходит солнце. И когда заходит солнце, берешь это перо...

Яна ЗУБЦОВА,
Юлия ФРИД